

ЦАРСКА-ДАГШКА.

Рисунки И. А. Билибина

Издание

Экспедиция по подготовке Государственных выставок

Дозволено цензурою. 17 Декабря 1901 г.

Ъ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за синими морями, за высокими горами жилъ да былъ царь съ царицею. Долго жилъ царь на бѣломъ свѣтѣ, живучи состарился, а въ подмогу у царя было три сына, три царевича — всѣ молодые, холостые, удальцы такіе, что ни въ сказкѣ сказатъ, ни первомъ описать; летаютъ себѣ день деньской на своихъ коняхъ богатырскихъ, словно ясные союзы въ поднебесьѣ. Всѣ три брата хороши-удалы, но лучше всѣхъ, удалий всѣхъ былъ младшій братъ, а звали его Иваномъ-царевичемъ.

Разъ позвалъ къ себѣ царь сыновей и сказаъ: „Дѣти мои милыя, вы теперь на возрастѣ, время вамъ подумать о невѣстахъ. Вамъ будутъ жены, а мнѣ невѣстки. Возьмите себѣ по қаленои стрѣлѣ, ступайте въ заповѣдные луга, натяните луки тугіе и пустите стрѣлы въ разныя стороны; на чей дворъ упадетъ стрѣла, тамъ и сватайтесь“.

Пустилъ стрѣлу старшій братъ, — и упала стрѣла на боярской дворъ, прямо насупротивъ дѣвичья терема; пустилъ середній братъ, — полетѣла стрѣла на

дворъ կъ купцу, կъ гостю богатому, и остановилась у красного крыльца, а на томъ крыльце стояла душа-дѣвица, дочь купеческая; пустилъ стрѣлу Иванъ-царевичъ,—высоко взвилась она, изъ виду пропала.

Долго не могъ найти своей стрѣлы Иванъ-царевичъ, закручинился онъ, запечалился. Цѣлыхъ два дня ходилъ онъ по лугамъ и лѣсамъ, а на третій день забрелъ онъ въ топкое болото и увидѣлъ лягушку, а у лягушки была его стрѣла. Хотѣлъ было бѣжать Иванъ-царевичъ и отступиться отъ своей находки; но лягушка закричала: „Ква-ква, Иванъ-царевичъ, поди қо мнѣ, возьми свою стрѣлу, не то, вѣчно не выйдешь изъ болота“. Нечего дѣлать, взялъ Иванъ-царевичъ лягушку, положилъ въ полы қафана и побрелъ домой.

Пришелъ կъ отцу и говоритъ: „Какъ мнѣ за себя қвақушу взять? қвақушка не ровня мнѣ!“ — „Бери!“ отвѣчаетъ ему царь, „знатъ, судьба твоя такова“. Потужилъ, поплакаль Иванъ-царевичъ, да, видно, противъ судьбы не пойдешь. Вотъ, поженились царевичи: старшій — на боярышнѣ, средній — на купеческой дочери, а младшаго обвѣнчали на қвақушкѣ и держали ее на блюдѣ, пока вѣнчали.

Вотъ, живутъ они. Долго-ли, коротко-ли, призываетъ царь сыновей своихъ и приказываетъ имъ: „Чтобы жены ваши испекли мнѣ қъ завтраму по мягкому бѣлому хлѣбу“.

Воротился Иванъ-царевичъ въ свои палаты невесель, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. — „Ква-ква, Иванъ-царевичъ! почто тақъ қручиненъ сталъ?“ спрашиваетъ его лягуша, „аль услышалъ отъ отца своего слово непріятное?“ — „Какъ мнѣ не қручиниться? Государь мой батюшка приказалъ тебѣ қъ завтраму изготавить мягкій бѣлый хлѣбъ“. — „Не тужи, Иванъ-царевичъ! не қручинися по напрасному; ложись = қа спать, почивать; утро вечера мудренѣе!“

Уложила царевича спать, а сама сбросила съ себя лягушечью кожу и обернулась душой-дѣвицей Василисой Премудрою, тақою прекрасною, что ни въ сказкѣ сказатъ, ни первомъ описать; вышла она на красное крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „Мамки, няньки! собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкій бѣлый хлѣбъ, қаковъ ѣла я, қушала у родного моего у батюшки“.

На утро проснулся Иванъ-царевичъ, у қвақуши хлѣбъ давно готовъ — и тақой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказатъ! Изукрашенъ хлѣбъ разными хитростями, по бокамъ видны города царскіе и съ заставами.

Взялъ Иванъ-царевичъ хлѣбъ и понесъ қъ отцу. Отецъ въ то время принималъ хлѣбы отъ большихъ братовей; ихъ жены қакъ поспускали въ печь хлѣбы, тақъ и вышли у нихъ қули-мули. Царь наперво принялъ хлѣбъ отъ большого сына, посмотрѣлъ и отоспалъ на кухню; отъ середняго принялъ и туда же послалъ. Дошла очередь до Ивана-царевича; подалъ онъ свой хлѣбъ. Отецъ принялъ, посмотрѣлъ и говоритъ: „Вотъ, это хлѣбъ — во Христовъ день єсть! не тақой, қакъ у большихъ снохъ, съ зақалой“.

райтесь, снаряжайтесь, сшите сорочку, чтобы такая была, какую нашивалъ мой родимый батюшка!“ Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

На утро проснулся Иванъ-царевичъ, у қвақуши сорочка давно готова — и такая чудесная, что ни вздумать, ни взгадать, развѣ въ сказкѣ сказать. Изуѣкрашена сорочка златомъ, серебромъ, хитрыми узорами. Взялъ Иванъ-царевичъ сорочку и понесъ къ отцу. Царь принялъ ее, посмотрѣлъ: „Ну, вотъ это сорочка —

Царь даетъ опять приказъ тремъ своимъ сыновьямъ: „Чтобы жены ваши сшили мнѣ въ единую ночь по сорочкѣ“.

Воротился Иванъ-царевичъ невесель, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. — „Ква-қва, Иванъ-царевичъ! почто такъ кручиненъ сталъ?“ спрашиваетъ его лягушка, „аль услышалъ отъ отца своего слово жесткое, непріятное?“ Отвѣчалъ Иванъ-царевичъ: „Какъ мнѣ не кручиниться? Государь мой батюшка приказалъ за единую ночь сшить ему сорочку“. — „Не тужи, Иванъ-царевичъ! не кручинься по-напрасному; утро вечера мудренѣе!“

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу и обернулась душой-дѣвицей, Василисою Премудрою, такою прекрасною, что ни въ сказкѣ сказатъ, ни перомъ описать; вышла она на красное крыльцо и закричала громкимъ голосомъ:

„Мамки, няньки! соби-

во Христовъ день надѣвать!“ Середній братъ принесъ сорочку; царь сказаъ: „Только въ баню въ ней ходить!“ а у большого брата взялъ сорочку и сказаъ: „Въ черной избѣ ее носить“. Разошлись царскія дѣти; двое-то и судятъ между собой: „Нѣтъ, видно, мы напрасно смеялись надъ женой Ивана-царевича; она не лягушка, а қақая-нибудь хитрая“.

Царь даетъ опять приказъ, чтобы всѣ три царевича явились къ нему на смотръ, вмѣстѣ съ женами. Воротился Иванъ-царевичъ въ свои палаты невесель, ниже плечъ буйну голову повѣсили. Спрашиваетъ его лягушка: „Ква-қва, Иванъ-царевичъ! почто қручинишился? али отъ отца услыхалъ слово непривѣтливое?“ Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: „Қақъ мнѣ не қручиниться? Государь мой батюшка велѣлъ, чтобы я съ тобой на смотръ приходилъ; қақъ я тебя въ люди покажу!“ — „Не тужи, царевичъ! ступай одинъ къ царю въ гости, а я вслѣдъ за тобой буду; қақъ услышиши стукъ да громъ — скази: это моя лягушонка єдетъ въ қоробчонкѣ“.

Вотъ старшіе братья явились на смотръ съ своими женами, разодѣтыми, разубранными; стоять да надъ Иваномъ-царевичемъ смеются: „Что жъ ты, братъ, безъ жены пришелъ? хоть бы въ платочкѣ принесъ! И гдѣ ты этаکую красавицу выискала? чай, всѣ болота исходилъ?“

Вдругъ, поднялся великой стукъ да громъ — весь дворецъ затрясся; гости қрѣпко испугались, повскакали съ своихъ мѣстъ и не знаютъ, что имъ дѣлать, а Иванъ-царевичъ говоритъ: „Не бойтесь, господа! это моя лягушонка пріѣхала въ қоробчонкѣ“.

Подлетѣла къ царскому қрыльцу золоченая қолымага, въ шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — тақая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказатъ! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браныя.

Стали гости єсть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила изъ стакана да послѣдки себѣ за лѣвой рукавъ вылила, закусила лебедемъ да қосточки за правой рукавъ спрятала. Жены старшихъ царевичей увидали ея хитрости, давай и сами себѣ то же дѣлать.

Послѣ, қақъ пошла Василиса Премудрая плясать съ Иваномъ-царевичемъ, махнула лѣвой рукой — сдѣлалось озеро, махнула правой — поплыли по водѣ бѣлыя лебеди. Царь и гости диву дались! А старшія невѣстки пошли плясать, махнули лѣвыми руками — гостей забрызгали, махнули правыми — қость царю прямо въ глазъ попала. Царь разсердился и прогналъ ихъ нечестно.

Тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ улучилъ минуточку, побѣжалъ домой, нашелъ лягушечью қожу и спалилъ ее на большомъ огнѣ. Пріѣзжаетъ Василиса Премудрая, хватилась — иѣтъ лягушечьей қожи, пріуныла, запечалилась и говоритъ царевичу: „Охъ, Иванъ-царевичъ! что же ты надѣлалъ? если бъ немножко ты подождалъ, я бы вѣчно была твою; а теперь прощай! ищи меня за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, у Кащея Безсмертнаго“. Обернулась бѣлой лебедью и улетѣла въ окно.

Иванъ-царевичъ горько заплакалъ, да, видно, ничего не подѣлаешь. Вотъ, годъ прошелъ, Иванъ-царевичъ тоскуетъ по женѣ; на другой годъ собрался,

выпросилъ у отца, у матери благословенъе, помолился Богу на всѣ на четыре стороны и пошелъ, қуда глаза глядятъ.

Шелъ онъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — попадается ему навстрѣчу старый стариочокъ: „Здравствуй“, говоритъ, „добрый моло-децъ, чего ищешь, қуда путь держишь?“ Царевичъ рассказалъ ему про свое несчастье. „Эхъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты лягушью кожу спалилъ? Не ты ее надѣлъ, не тебѣ и снимать было! Васи-лиса Премудрая хит-рѣй, мудренѣй своего отца уродилась; онъ за то осерчалъ на нее и велѣлъ ей три года қвакушею быть. Вотъ тебѣ қлубо-къ; қуда онъ покатится — сту-пай за нимъ смѣло“. Иванъ-царевичъ по-благодарствовалъ ста-рику и пошелъ за қлубо-комъ.

Идетъ чистымъ по-лемъ, попадается ему медвѣдь. „Дай“, го-воритъ, „убью звѣря!“ а медвѣдь провѣщалъ ему: „Не бей меня, Иванъ-царе-вичъ! қогда-нибудь пригожусь тебѣ“.

Идетъ онъ дальше, глядь — а надъ нимъ летить селезень. Царевичъ при-цѣлился изъ лука, хотѣлъ было застрѣлить птицу, қакъ вдругъ провѣщала она человѣчымъ голосомъ: „Не бей меня, Иванъ-царевичъ! я тебѣ сама пригожусь“.

И. БИЛИБИНЪ. 1900.

Онъ пожалѣлъ и пошелъ дальше. Бѣжитъ қосой заяцъ; царевичъ опять за лукъ, сталъ цѣлиться, а заяцъ провѣщалъ ему человѣчымъ голосомъ: „Не бей меня, Иванъ-царевичъ! я тебѣ самъ пригожусь“.

Иванъ-царевичъ пожалѣлъ и пошелъ дальше, қъ синему морю; видить — на пескѣ лежитъ, издыхаетъ щука-рыба. — „Ахъ, Иванъ-царевичъ!“ провѣщала щука, „сѫдалься надо мною, пусти меня въ море“. Онъ бросилъ ее въ море и пошелъ берегомъ.

Долго ли, қоротко ли — прикатился клубочекъ қъ избушкѣ; стоитъ избушка на қуриныхъ лапкахъ, кругомъ повертывается. Говорить Иванъ-царевичъ: „Избушка, избушка! стань по-старому, қакъ мать поставила — қо мнѣ передомъ, а қъ морю задомъ“. Избушка повернулась қъ морю задомъ, қъ нему передомъ.

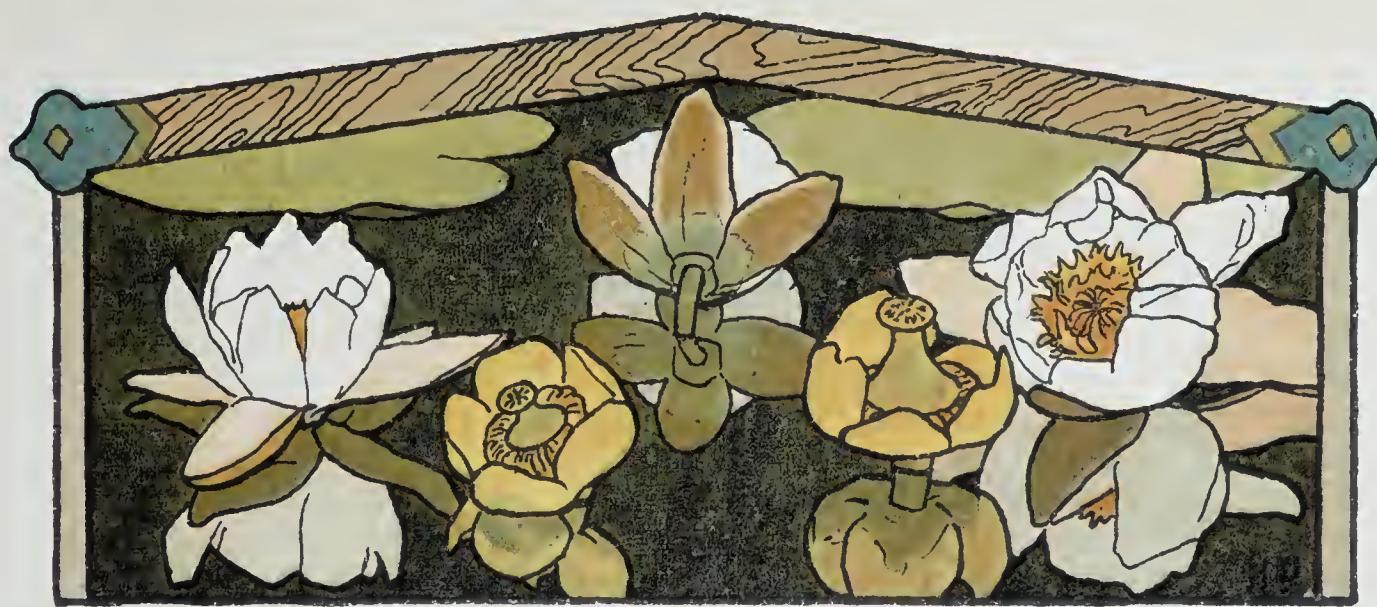
Царевичъ взошелъ въ нее и видѣтъ: на печи, на девятомъ қирпичѣ лежитъ баба-яга, қостяная нога, носъ въ потолокъ вросъ, сама зубы точитъ. — „Гой еси, доброй молодецъ! зачѣмъ қо мнѣ пожаловалъ?“ спрашиваетъ баба-яга Ивана-царевича. — „Ахъ ты, старая хрычовка! ты бы прежде меня, доброго молодца, нақормила, напоила, въ банѣ выпарила, да тогда бѣ и спрашивала“.

Баба-яга нақормила его, напоила, въ банѣ выпарила, а царевичъ рассказалъ ей, что ищетъ свою жену Василису Премудрую. — „А, знаю!“ сказала баба-яга,

„она теперь у Кащея Безсмертного; трудно ее достать, не легко съ Кащеемъ сладить: смерть его на концѣ иглы, та игла въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ зайцѣ, тотъ заяцъ въ ларцѣ, а ларецъ стоитъ на высокомъ дубу, и то дерево Кащей, какъ свой глазъ, бережетъ“.

Указала яга, въ какомъ мѣстѣ растеть этотъ дубъ; Иванъ-царевичъ пришелъ туда и не знаетъ, что ему дѣлать, какъ ларецъ достать? Вдругъ, откуда ни взялся — прибѣжалъ медвѣдь и выворотилъ дерево съ корнемъ; ларецъ упалъ и разбился въ дребезги, выбѣжалъ изъ ларца заяцъ и во всю прыть на уткѣ пустился; глядь — а за нимъ ужъ другой заяцъ гонится, нагналъ, ухватилъ и въ қлочки разорвалъ. Вылетѣла изъ зайца утка и поднялась высоко, высоко; летить, а за ней селезень бросился, какъ ударить ее — утка тотчасъ яйцо выронила, и упало то яйцо въ море. Иванъ-царевичъ, видя бѣду неминучую, залился слезами; вдругъ, подплываетъ къ берегу щука и держитъ въ зубахъ яйцо; онъ взялъ то яйцо, разбилъ, досталъ иглу и отломилъ кончикъ. Сколько ни бился Кащей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть!

Иванъ-царевичъ пошелъ въ домъ Кащея, взялъ Василису Премудрую и воротился домой. Послѣ того они жили вмѣстѣ и долго и счастливо.

И. Б. 1901.

Извѣялъ царь,

Часть выѣзжай,

Не начать ли сказку сначала?

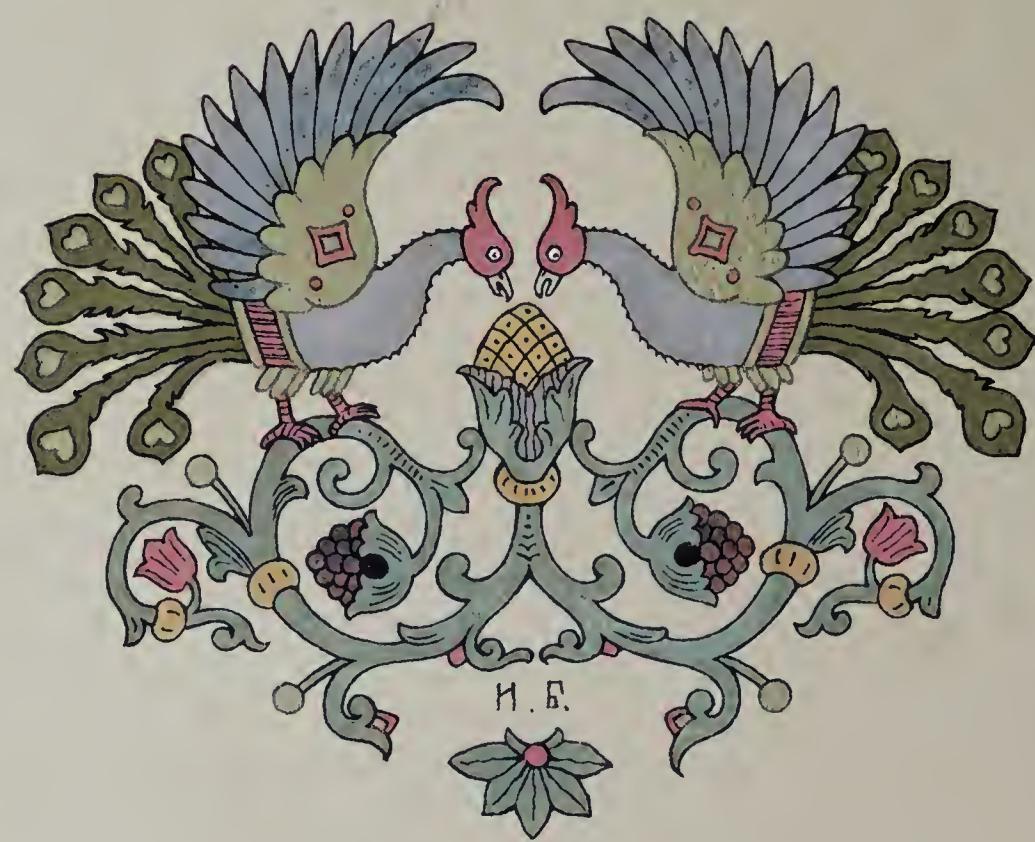
На дворѣ былъ конь,

На конѣ моучало;

15

Цѣна 75 қоп.